
О ЧЕЛОВЕЧЕСКОМ ДОСТОИНСТВЕ И БИОТЕХНОЛОГИЯХ

Патриарх Московский и Всея Руси КИРИЛЛ

Не вызывает никакого сомнения, что стремительное развитие биотехнологий объективно бросает вызов фундаментальным основам и базовым принципам христианской веры. Именно поэтому Русская Православная Церковь уделяет столь пристальное внимание анализу этических аспектов современных биотехнологий.

В связи с этим напомним, что 2 сентября 2005 года Отделом внешних церковных сношений Московского Патриархата было проведено экспертное совещание на тему "Актуальные вопросы биоэтики. Церковный и общественный взгляд". Оно со всей очевидностью продемонстрировало как наличие проблемы и ее остроту, так и необходимость привлечь к обсуждению этой актуальной темы самый широкий круг церковных и светских специалистов: богословов, философов, медиков, биологов, юристов, политиков, общественных деятелей. Не вызывает также сомнений, что вопрос дальнейшего прогресса в сфере биотехнологий, заключающего в себе один из серьезнейших вызовов будущему всего человеческого рода, не может далее рассматриваться как область профессиональной ответственности узкого круга специалистов.

Истории известны случаи, когда чрезвычайно важные научные открытия долгое время оставались скрытыми от внимания общественности за завесой государственной тайны, ибо касались в первую очередь вопросов вооружения и обороноспособности. Такова общепринятая практика, применение ее различными странами вполне объяснимо и рационально, однако тем самым из сферы общественного обсуждения автоматически выводился весь комплекс морально-этических, социальных, медицинских, политических и иных проблем, являвшихся неизбежным следствием таких открытий. Полагаю, что в XXI веке настало время извлечь уроки из тех ошибок, которые были совершены в прошлом. Именно поэтому все, что касается развития современной техники и технологии, особенно в тех случаях, когда непосредственным образом затрагиваются сама биологическая природа человека и целостность человеческой личности, включая духовно-нравственный аспект, должно быть широко обсуждаемо с участием всех заинтересованных сторон.

Я сердечно благодарю Фонд имени Конрада Аденауэра за его готовность взаимодействовать с Русской Православной Церковью по многим вопросам, в том числе и по тем, которые являются предметом нашего сегодняшнего обсуждения.

Научно-технический прогресс в сфере медицины и биологии действительно ставит ряд очень важных вопросов — по крайней мере, перед теми людьми, которые разделяют традиционные религиозные подходы к проблемам существования человека и биосферы, к вопросам общественной морали и нравственного выбора личности. Ибо биотехнологии, которые ныне находят множество сфер применения, в конечном счете, имеют своим адресатом именно человека и "замыкаются" на нем. Более того, в некоторых сферах биомедицинской практики человек как субъект, на благо которого, якобы, направлен весь прогресс современной науки и технологий, редуцируется до уровня своего рода биологического материала, сам становится объектом манипуляции.

Например, человеческий эмбрион иногда рассматривается как рядовой объект научных исследований, экспериментов или даже манипуляций, включая генетические. Аналогичная ситуация возникает в случае, когда из тела умершего человека изымаются внутренние органы без его прижизненного согласия или такового согласия его родственников, которых могут даже не уведомить об этом. Подобные примеры можно продолжать и продолжать.

Почему это так волнует носителей традиционного религиозного сознания — в первую очередь, христиан, но, конечно, не только их? Потому что подобные действия применительно к человеку, а также использование человеческого естества, будь то эмбрион, будь то живой или окончивший свой земной путь индивидуум, в качестве некоего объекта научной или медицинской манипуляции, напрямую увязываются в представлении верующего с вопросом о человеческом достоинстве.

Если обратиться к основным политико-философским идеям, укорененным в эпохе Просвещения и системе ценностей западного либерализма, то фундаментальным принципом, на котором базируется весь корпус современного европейского права, является понятие о человеческом достоинстве. Парадоксально, что именно в контексте западноевропейской гуманитарной традиции возникают биологические технологии, развиваются научные подходы и осуществляются медицинские вмешательства, объективно отрицающие фундаментальную ценность человеческого достоинства. Не менее удивительно и то обстоятельство, что правозащитники, призванные отстаивать от внешних посягательств неотъемлемые права индивидуума и утверждать достоинство личности, не слишком громко высказываются по проблеме угрозы человеческому достоинству со стороны новейших технологий. Во всем этом обнаруживается по крайней мере непоследовательность. И возникает вопрос о ее причинах, о ее философской основе. Почему в случаях нарушения прав человека, связанных со свободой слова и самовыражения, наблюдается очень острая реакция? И почему подобной реакции нет, когда нарушается презумпция человеческого достоинства в ходе медицинских экспериментов?

Полагаю, что рассматриваемая нами проблематика способна объединить за "круглым столом" общей дискуссии христиан, мусульман, иудеев, буддистов, а также людей неверующих, представляющих так называемый секулярный гуманизм. Я также думаю, что должно быть достигнуто некое общее понимание того, что есть человеческое достоинство, дабы избежать опасности произвольного или выборочного подхода к связанной с ним проблематике, а также к теме нарушения прав и свобод личности. Если мы этого не сделаем, то вопросы прав человека и достоинства личности неизбежно будут использоваться в контексте разного рода двойных стандартов, становясь частью политико-идеологических манипуляций. Именно поэтому столь важно понимание того, почему верующие люди не устают напоминать миру о человеческом достоинстве, почему они видят в нем непреходящую богоданную ценность. В основе этого — постоянное памятование о том, что, согласно Библии, человек создан по образу и по подобию Божию. Это означает, что природа человека включает в себе отображение Божественной природы Абсолюта и в силу этого обладает непреходящей абсолютной ценностью. Что же касается конкретной личности, то она эту божественную ценность либо раскрывает и являет в своем индивидуальном существовании и общественном служении, либо помрачает и профанирует. К прискорбию, история богата чудовищными персонажами, как представляется, совершенно утратившими человеческий облик. Являя собою, подобно всем остальным людям, божественную ценность, имея дарованную Богом природу, которая является отражением образа Творца, они попрали свое высокое человеческое достоинство и разрушили собственную личность реальными деяниями своей жизни.

Итак, первый и очень важный вывод состоит в том, что природа человека как таковая имеет непреходящую ценность, а каждая конкретная личность реализует ее в своей жизни настолько, насколько тот или иной человек раскрывает в себе этот божественный потенциал.

Второй и не менее важный пункт, которого я хотел бы коснуться, связан с богословской интерпретацией тезиса о Боговоплощении. Второе лицо Святой Троицы — Сын Божий — становится Сыном человеческим, усваивая Себе природу человека. То обстоятельство, что Бог благоволил соединить Себя с человеческой природой, свидетельствует о высочайшем достоинстве этой природы. Вдумаемся: Бог вечный и всемогущий соединяется по плоти с той же самой природой, которой обладаем и мы с вами. Но есть и разница: человеческая природа Спасителя была свободна от греха. Господь был во

всем подобен нам, кроме греха.

Из сказанного выше можно сделать выводы, которые на первый взгляд кому-то могут показаться неожиданными, но, надеюсь, те, кого эта тема волнует так же, как меня, найдут в них нечто созвучное собственным мыслям.

Хорошо известно, что, с точки зрения Библии, болезнь и смерть являются результатом человеческого греха. Они явились в мир как результат первого греха, совершенного первыми людьми, и присутствуют в нем как неизбежное следствие укорененности греха в человеческом существовании вообще. Подобный взгляд поддерживается целым рядом библейских и святоотеческих текстов. Библия ясно свидетельствует: болезнь и смерть суть последствия греха. Возникает вопрос: что есть грех? Существуют очень четкие и недвусмысленные определения понятия греха с точки зрения религии, его богословские формулировки. Грех есть нарушение Божьего закона. Грех есть нарушение нравственного закона, который Бог вложил в природу человека. Грех есть отказ от реализации божественного замысла о мире и о человеке.

Все это безусловно верно. Но давайте задумаемся, что такое отказ от принятия божественного замысла. Допустим, некто не согласен с этим замыслом, или, подобно Ивану Карамазову у Достоевского, согласен, но при определенных условиях. Почему же тогда подобный мировоззренческий выбор непременно должен быть сопряжен с болезнью, с физическим страданием, со смертью, наконец? У меня нет готового ответа на рассматриваемый под таким углом зрения вопрос о том, что такое грех. Но я глубоко убежден в том, что когда-нибудь к решению этого вопроса приблизятся если не богословы, то ученые. И, может быть, однажды ответ на него будет дан с точки зрения естествознания.

Потому что грех влияет на физическую реальность. Если бы грех действовал лишь в духовном мире, то в Священном Писании мы не нашли бы указания, что его последствиями обязательно будут болезнь и смерть. С грехом нельзя обрести полноту бытия именно потому, что пока еще непонятным для нас образом грех нарушает целостность человеческой природы и человеческого существования. Об этом определенно свидетельствовали наиболее глубокие православные подвижники благочестия, воспринимавшие весь мир, и человека в нем, как единое целое, в котором духовное связано с материальным и оказывает на него влияние. Отступление человека от Бога, прекращение богообщения не может не оказаться отрицательного влияния на физическое состояние как космоса, так и человеческой личности.

Однако, например, современная медицина существует вне подобных размышлений. Когда заболевший человек ходит по врачам, ни один из них, за редчайшим исключением, не спросит у пациента, что, кроме симптомов недуга, составляет его внутреннюю жизнь. Я знаю, что сегодня некоторые врачи и у нас, и на Западе начинают задавать пациентам вопросы, которые выходят за рамки их формальной медицинской специализации и касаются повседневной жизни человека, эмоционального фона его существования, духовного склада личности, ее нравственных приоритетов. Я полагаю, эти редкие специалисты интуитивно, а может быть, и опытным путем приходят к осознанию того факта, что существует некая тайна человеческого бытия, в сердцевине которой, сопрягаются физическое и духовное начала личности. Я думаю, что медицина, исключая духовное измерение человека, по определению примитивна.

В свое время сын Дмитрия Ивановича Менделеева Иван Дмитриевич Менделеев говорил об этической гносеологии, то есть о нравственной составляющей процесса познания. Эта идея весьма актуальна, как мне кажется, и в настоящее время, в частности, в контексте того, о чем мы сегодня говорим. Биомедицина не вправе ставить перед собой цель полной победы над всеми болезнями и достижения запредельного долголетия исключительно техническими методами, посредством манипуляций с телом человека, с его плотью. Ибо пока существует грех, будут болезни и смерть. И никакие манипуляции не спасут нас от них. Специалисты способны стереть с лица земли одну болезнь, но на ее место обязательно явится другая, может быть, еще худшая. Так, многие биотические проблемы возникают просто вследствие ложного целеполагания.

Приведу несколько примеров. Недавно я изучал одно экспертное заключение, подготовленное рабочей группой по научной этике и новым технологиям для Европейской комиссии. В этом документе, посвященном этическим аспектам имплантации электронных устройств в тело человека, говорится о тех практических возможностях и преимуществах, которые в этом случае открываются. Согласно документу, в наибольшей степени это относится к возможностям имплантации в мозг человека электронных устройств, которые способны усиливать или ослаблять память. На мой взгляд, готовность замещать отдельные вполне дееспособные органы человеческого тела более "совершенными" имплантатами зачастую отражает стремление превратить человека в биомеханический агрегат способный функционировать неопределенно долго. Особенно ясно это видно на примере таких "усовершенствований" человеческой природы, которые имеют целью превзойти природные качества и свойства нашего организма, и ныне подобные технологии, модификации и манипуляции над естеством сынов Божиих *близ есть при дверех*.

В течение десяти лет я был ректором Санкт-Петербургской (тогда Ленинградской) Духовной академии. Это было в сложный период семидесятых-восемидесятых годов прошлого уже века.

Это было время, когда Церковь в Советском Союзе была искусственно изолирована от общества, не имела никакой связи с миром науки. Году, кажется, в 1978 ко мне на прием неожиданно пришел один человек. Он с порога предупредил меня, что не назовет ни своего имени, ни места работы, чтобы не ставить нас обоих в сложное положение. Затем сказал, что по профессии он ученый, занимающийся проблемами мозга, и православный верующий. После этого посетитель сформулировал следующий вопрос. Наши исследования, сказал он, сегодня настолько продвинулись, что появилась реальная возможность активно влиять на поведение человека, изменять поведенческие стереотипы, установки и характеристики личности. Как христианин, продолжал он, я чувствую здесь некую потенциальную опасность и спрашиваю себя, вправе ли я и дальше работать в этом направлении. Я был поражен тем, что и как он мне говорил, но одновременно осознал тогда свою неготовность сформулировать столь же определенный ответ этому человеку.

Сегодня, я думаю, мы все, и в первую очередь, богословы в союзе со светскими учеными, должны работать для того, чтобы выработать совместный адекватный ответ, который будет адресован не только работникам науки и медицины, но также пациентам и их близким, всем пронизательным и социально ответственным людям, которые задаются тревожными вопросами о нравственных последствиях прогресса в сфере биотехнологий. Что касается моего собственного отношения к этой проблеме, то я прихожу к выводу: попытки технологического вторжения в тонкий мир человеческих эмоций и в интимную область индивидуального сознания, равно как и стремление искусственно продлить отмеренный нам срок жизни, гарантированно заведут нас в тупик, если только подобные намерения не будут включены в контекст обязательной религиозно-нравственной рефлексии и диверсификации средств достижения цели.

При худшем же сценарии развития событий естественное состояние человека трансформируется настолько, что станет совершенно невозможно должным образом обеспечивать его человеческое достоинство. Ибо в данном случае речь идет об изменении самой природы индивидуумами и его естества, о вторжении о вторжении извне в Божие творение и о покушении на замысел Творца о человеке и мире. Бог не без причины создал человека таким, а не иным. Но когда сам человек при помощи изобретенных им технологий, посредством всяческих имплантатов, вживлений и замещения естественного на искусственное подменяет самую свою природу, в которой он рожден, возникает один неприятный вопрос. Будет ли эта новая природа человека обладать той же непреходящей ценностью, восходящей к образу Божию, что и его прежнее естество? Будут ли эти полулюди-полуроботы, напичканные электроникой, обладать божественным достоинством, или это будут уже иные существа? Ведь их с легкостью можно будет уничтожать и воссоздавать, модернизировать, ухудшать, разбирать на запчасти и собирать и из них

аналоги, превращать в объекты для множества новых манипуляций...

Здесь возникают и иные вопросы, более для нас очевидные, по сравнению с вышеприведенными футурологическими предчувствиями. Скажем, человек, не выходящий из коматозного состояния и подключенный к аппарату искусственного обеспечения жизнедеятельности, в биологическом смысле превращается в подобие растения. Перед нами дилемма: он жив или не жив? Он лишен сознания, воли, чувств, реакций, отсутствуют все характеристики и видимые проявления божественного начала в человеке. Осталось только биологическое существование. Допустимо ли отключить такого человека от принудительного жизнеобеспечения, или это грех? В Основах социальной концепции, принятой нашей Церковью, указывается, что можно говорить о продолжении жизни до тех пор, пока осуществляется деятельность организма как целого. Но что делать, когда померкло сознание? Сохраняется при этом целостность организма или нет? Это те вопросы, на которые у нас пока нет ответа. Это приводит к тому, что священник порой отвечает на подобные вопросы с точки зрения церковного учения, а руководствуясь своим личным пониманием проблемы.

Случай, когда любящий муж в конце концов дал согласие на то, чтобы врачи отключили от поддерживающего жизнеобеспечения его жену, несколько лет пребывавшую в коме, потряс не только Соединенные Штаты, но и отозвался в России. И комментарии у нас были столь же противоречивы, как и в Америке.

В наше время число бесплодных пар весьма велико. Поэтому часто задается вопрос об отношении Церкви к экстракорпоральному оплодотворению. Надо заметить, что порой бесплодие является следствием неразборчивости в связях или ранее совершенных аборт, а поэтому, конечно, некоторым людям перед тем, как обращаться к помощи медицины, нелишне задуматься о духовных причинах своего физического состояния. Как известно, Церковь благословляет чадородие в браке. Святость брачного союза нарушается как донорством половых клеток, так и использованием суррогатного материнства. Обеспокоенность Церкви в вопросах экстракорпорального оплодотворения касается обращения с человеческими эмбрионами, которые, по нашему убеждению, обладают достоинством, подобным человеческому. Потому что в эмбрионе уже содержится вся полнота человеческой природы. Я рад, что статусу эмбриона на нашей конференции будет посвящен специальный доклад. Но хочу заметить, что и в этой сфере остаются не вполне проясненные вопросы, в том числе и применительно к пастырской практике.

Особую актуальность вопросы биотехнологии приобретают в связи с использованием электронных средств учета населения. Периодически в прессе появляются материалы о возможности вживления универсальных электронных идентификаторов под кожу человека или их инкорпорирования иным способом. Мне кажется, что такие идеи следует рассматривать как одну из попыток "улучшить" Божие создание, сделать его при помощи технологии более "безопасным" и с наименьшими затратами решить задачи, связанные с безопасностью или учетом граждан. Но станет ли совершеннее Божие создание, если микрочип под кожей руки поможет фискальным органам исправнее взыскивать с него недоимки? Какими идентификаторами нам ни предложили бы пользоваться, все они должны быть отделяемы от человека. Они не должны претендовать на то, чтобы стать интегральной частью его природы — такова принципиальная позиция нашей Церкви.

Ныне мы находимся в диалоге с Государственной Думой, которая рассматривает проект закона об идентификации граждан. И мы настаиваем на том, чтобы в России не внедрялись идентификаторы, неотъемлемые от человеческой природы, которые были бы "встроены" в нее, навсегда привнесены извне в естество человека. Кроме того, формирующаяся система учета, по нашему мнению, должна предусмотреть альтернативу использованию любых электронных идентификаторов для тех лиц, которые считают, что подобного рода подконтрольность унижает их человеческое достоинство. Мы считаем, пусть в отношении этих лиц будет иметь место какой-то иной, традиционный, учет и контроль, но человек имеет право сказать "нет" электронной идентификации своей личности.

Вполне очевидно, что прогресс в сфере биотехнологий имеет далеко идущие последствия, и его результаты должны быть предметом широкого общественного обсуждения. Биотехнологии затрагивают каждого и потому проблема моральности их применения не должна быть сферой профессиональной озабоченности только ученых, практикующих врачей, политиков, но всего нашего общества. Русская Православная Церковь считает необходимым вести диалог со всеми, кто заинтересован в выработке для этой сферы определенного свода этических норм, которые в максимальной мере отражали бы взгляды различных социальных групп, и в том числе - последователей традиционных религий.

И последнее. Основы социальной концепции Русской Православной Церкви содержат значительный корпус фундаментальных идей по многим вопросам. Однако некоторые проблемы, вставшие сегодня перед наукой, обществом и Церковью, нуждаются в нашем совместном изучении. Одна из них — вопросы развития биотехнологий. И потому мы всецело открыты взаимополезному диалогу, к содержательной дискуссии и со смирением готовы внимать человеческой мудрости, неизменно соотнося ее с непререкаемым для нас авторитетом Слова Божия.

© Патриарх Московский и Всея Руси КИРИЛЛ, 2009